

В. Г. Белинский

**Бородинская годовщина. В.
Жуковского... Письмо из
Бородина от безрукого...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Бородинская годовщина. В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду

«...Брошюры, заглавие которых выписано в начале нашей статьи, обязаны своим появлением бородинскому торжеству, которое нашло себе органы в знаменитом поэте, лавровенчанном ветеране нашей поэзии, и в знаменитом воине инвалиде, к военной славе своей присовокупившем славу безыскусственного, но сильного сердечным красноречием литератора. О его брошюре мы не будем говорить: выписанные нами из нее места достаточно свидетельствуют о ее достоинстве. — «Бородинская годовщина» есть новая песнь певца русской славы, который в годину великого испытания, родившего настоящее торжество, был органом славы падшим и подвизавшимся героям великой драмы...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0030

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**Бородинская годовщина. В.
Жуковского... Письмо из
Бородина от безрукого к
безногому инвалиду**

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА. В. ЖУКОВСКОГО. Москва. В университетской тип. 1839. В 4-ю д. л. 8 стр.

ПИСЬМО ИЗ БОРОДИНА ОТ БЕЗРУКОГО К БЕЗНОГОМУ ИНВАЛИДУ Москва. В университетской тип. 1839. В 8-ю д. л. 16 стр.

Ничто так не расширяет духа человеческого, ничто не окриляет его таким могучим орлиным полетом в безбрежные равнины царства бесконечного, как созерцание мировых явлений жизни. Поэтому история человечества, как объективное изображение, как картина и зеркало общих, мировых явлений жизни, доставляет человеку наслаждение безграничное, полное роскошного, трепетно-сладкого восторга: созерцая эти движущиеся, олицетворившиеся судьбы человечества в лице народов и их благородных представителей, став лицом к лицу с этими полными трагического величия событиями, дух человека – то падает пред ними во прах, проникнутый мятежным и непокорным его самообладанию чувством их царственной грандиозности и подавленный обременительною полнотою собственного упоения, – то, покоря свой восторг разумным проникновением в их сокровенную сущность, сам восстает в мощном величии, гордо сознавая свое родство с ними. Вот где скрывается абсолютное значение истории, и вот почему занятие ею есть такое блаженство, какого не может заменить чело-

веку ни одна из абсолютных сфер, в которых открывается его духу сущность сущего и родственно сливается с ним до блаженного уничтожения его индивидуальной единичности. Да, кто способен выходить из внутреннего мира своих задушевных, субъективных интересов, чей дух столько могуч, что в силах переступить за черту заколдованного круга прекрасных, обаятельных радостей и страданий своей человеческой личности, вырваться из их милых, лелеящих объятий, чтобы созерцать великие явления объективного мира и их объективную особенность усвоить в субъективную собственность чрез сознание своей с ними родственности, – того ожидает высокая награда, бесконечное блаженство: засверкают слезами восторга очи его, и весь он будет – настроенная арфа, бряцающая торжественную песнь своего освобождения от оков конечности, своего сознания духом в духе... Но когда мировое историческое событие есть в то же время и факт отечественной истории, и его субстанциальная родственность с духом созерцающего просветлит до прозрачности его таинственную сущность, – о, тогда его бла-

женство будет еще шире, бесконечнее, потому что на родной призыв отзовутся новые струны, сокрытые в самых недоступных глубинах его сердца!..{1} К таким-то великим мировым явлениям принадлежит *битва Бородинская* – истинная битва гигантов{2}, где, с одной стороны, исполнитель мировых судеб, влекомый бессознательным стремлением наполнить страшную, бездонную пропасть своего необъятного духа, мнил последним подвигом остановить свою блуждающую звезду и стать у темной цели своего таинственного пути, а с другой – великий народ, под знаменем креста и державной власти, стал за свое существование и за честь своих царей, —

И равен был неравный спор...{3}

Дивное зрелище! Ум изнемогает, силясь обнять его во всей бесконечности его значения!..

И тому прошло уже двадцать семь лет, и новые поколения сменили старые, и уже многих нет из знаменитых сподвижников, и лавровенчаннные главы оставшихся покрыты священной сединою, и уже давно исцелились

раны молодого царства, и уже давно цветет оно и новою жизнью, и новыми силами, и новою славою, – а между тем все это как будто вчера было...

Да, оно и в самом деле было не двадцать семь лет назад, а недавно, очень недавно, если не вчера, потому что только теперь, только ставши прошедшим, явилось оно нам во всем своем свете, уже не ослепляя своим блеском наших бранных очей, но радуя их отдаленным сиянием своего бессмертного величия, как радует очи торжественная, объявшая полнеба, но тихо мерцающая заря вечера или утра...

Великое прошедшее родило великое настоящее...

Царственно высокий дух русского царя, созерцая минувшие судьбы вверенного ему богом народа, остановился на поле славы своего державного брата, на поле славы своего народа, – и его монаршей воле было достойно воздать дань благодарности и славы великому подвигу сподвижников Благословенного...{4} И вот частное владение становится даром царя своему будущему преемнику{5}, и в Боро-

дине[1], «от храма господня до хижины земледельца, все преобразовано, перелажено и представляет собою обширную дачу с устроенными для сообщения мостами, дорогами и улицами, и в версте от Бородина, на бывшей батарее Раевского, величественно и гордо возвышается бессмертный памятник, заключающий в себе восьмиугольную пирамиду»[2]. И вот, по творческому, властительному слову, на священных полях Бородина, приявших в недра свои кости и кровь героев великой драмы, стало под ружьем *сто сорок тысяч* новых героев... И вот в вечно памятный день 26-го августа, с рассветом дня, в рядах прочтен был царский приказ:

Ребята!

Перед вами памятник, свидетельствующий о славном подвиге ваших товарищей! Здесь, на этом самом месте, за 27 лет перед сим, надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за веру, царя и отечество! – Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев, – и мы вошли в Париж. Теперь настало время воздать славу

великому делу. Итак, да будет память вечная бессмертному для вас императору Александру I. Его твердою волею спасена Россия. Вечная слава падшим геройскою смертью товарищам нашим, и да послужит подвиг их примером нам и позднейшему потомству! – Вы же всегда будете надеждою и оплотом вашему государю и общей матери нашей, России!

И ряды грянули русское «ура!», и оно не умолкало от пятого до восьмого часа дня...

Известно, что с этого же самого времени загредел военный клич в начале смертоносной битвы: посему грозное утро в памяти стариков воскресло, полуумершие сердца затрепетали, и полужастывшая их кровь снова закипела. «Теперь хоть бы снова на бусурмана», – шепнули инвалиды. «Далеко кулику до петрова дня, – молвили другие. – Пройдут века, высохнут моря и реки, а враг сюда и носа не покажет!»

Это слова безрукого инвалида, который оставшеюся рукою пером владеет, как и шты-

ком. Нужно ли его имя?..{6} Послушаем же далее этого красноречивого в своей воинской простоте историка великого события:

Войска вокруг памятника составили огромное, величественное каре. Все отставные генералы, штаб- и обер-офицеры, участвовавшие в бородинском деле, помещались у памятника за решеткой. День был светлый, солнце, однако ж, не показывалось; но лишь святые хоругви, в сопровождении московского митрополита, с многочисленной духовною процессиею, государем императором встреченные, приблизились к памятнику, оно явилось и скрылось. По совершении панихиды начался молебен; а когда царь и воины стали на колени, солнце снова просияло, общая радость заблестала, а между старыми героями пронесся говор: «Так над главою Кутузова неожиданно воспарил орел при осмотре бородинских укреплений 25 августа 1812 года». – «С нами бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами бог!» – Вслед за сим огласилась песнь: «Тебе бога хвалим!» Гром пушек и «ура» все еще гремели, и роковой 1812 год –

откликнулся!

В заключение этого знаменитого, дивного и торжественного явления государь император, провожая прежним порядком святые хоругви, повелел всем войскам мимо памятника проходить церемониальным маршем, сомкнутыми полковыми колоннами; в голове всех колонн ехали генералы, не принадлежащие к составу собранных войск.

Покойно и благоговейно отсалютовал русский царь сооруженному им и освященному днесь памятнику; сим редким примером, в лице всей России, принеся должную дань величию бога, он воздал честь заслугам человека. Высокий пример!

Бородинская битва, по благотворным следствиям, составляет священнейший предмет всей России, а бородинские поля, пролитою на них кровию, сроднились с миллионами русских людей. Чье же сердце не возрадуется, кто из глубины души не вознесет усердной теплой молитвы к подателю всех благ о здравии отца-монарха, увековечившего событие, вмещающее в себе честь России, и почтившего память падших героев! Жизнь война —

жертва славы! Тот у цели, кто стяжал себе славную память.

Государь император, как отец обширного семейства, с начала до конца жил в палатке посреди войска; по утрам ежедневно его величество или осматривал, или учил какую-нибудь часть и всеми был чрезвычайно доволен. Вечером на всех линейках и во всех селениях, в коих расположена была кавалерия, гремела музыка и заливались песни. Публики, и даже дам, съехалось – хоть бы в столицу, а веселья было хоть бы 1-го мая на гулянье.

Произведенными 29-го числа на бородинской позиции маневрами повторялись движения, точь-в-точь за 27 лет в смертоносную битву бывшие: то же действие артиллерии, та же быстрота кавалерийских атак; на лицах воинов можно было прочесть то же рвение, усердие и добрую волю, но с лучшим, разумеется, устройством и порядком; одним словом, картина была дивная: без малейшей суеты и безобразия, которых в настоящем деле избежать почти невозможно. Известно, что в жарком бою заставить русского солдата отсту-

пить – весьма трудно; изменил штык – он тузит врага прикладом; сокрушился приклад, молодец пускает в работу кулаки; без страха и трепета он встречает смерть грудью – и, угомоня басурмана, умирает с радостью... по-русски!

Наконец, несколько слов собственно о наших братьях, отставных и неслужащих инвалидах; все они, по мере прибытия в Бородино, имели счастье быть представленными лично государю императору, наследнику и великому князю Михаилу Павловичу; все удостоены монаршего приветствия... – В день открытия памятника, как сказал я выше, они помещались за решеткою, и с того же времени ежедневно приглашались во дворец, за гофмаршальский стол, а 30-го числа, в день тезоименитства государя наследника, удостоены кушать вместе с государем[3]. Всем нуждающимся была оказана денежная помощь, не забыты отставные и нижние чины, из разных мест прибывшие, Всем денег, как я мельком слышал, в награду служащим и в пособие отставным, из царских мешков в карманы солдат и прочих верноподданных переползло бо-

лее трехсот тысяч серебряных рублей;[4] короче сказать, награды здесь сыпались градом, но все они капля в море в сравнении с наградой, какую царь-отец оказал всей России предпринятым и совершившимся великим делом.

Чтобы закончить историческую картину этого великого события, сделаем еще выписку из брошюры безрукого инвалида:

Всеми войсками командовал фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский; их императорские высочества: наследник, цесаревич, великий князь Михаил Павлович, герцог Максимилиан Лейхтенбергский; генералы: Потапов, граф Крейц и Нейдгарт.

Весело и сладко было русскому сердцу увидеть здесь знатнейших, по бессмертным подвигам в отечественную войну, известнейших, полную благодарность и искреннюю любовь увековечивших героев наших: принца Евгения Виртембергского, князя Варшавского, графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, князя Д.

В. Голицына, графа М. С. Воронцова, князя П. М. Волконского, А. П. Ермолова, графа П. П. Палена, графа К. Ф. Толя, графа А. И. Чернышева, графа В. В. Орлова-Денисова, князя А. И. Горчакова, князя И. Л. Шаховского, П. М. Капцевича, А. П. Никитина, князя А. Г. Щербатова, П. Ф. Левенштерна, М. Е. Храповицкого, графов Ц. А. Крейца и А. П. Ожаровского, и П. А. Тучкова;[5] из отставных: Пышницкого, Карпенко, Всеславина и, сверх того, более трехсот человек генералов, штаб- и обер-офицеров, поспешивших к минуте этого векового события из разных стран России, презирая лета, раны и недуги, с тем собственно, чтобы еще раз последний потухающий взор бросить на родное поле, увлажненное родною их кровию, где за 27 лет перед сим грохот пушек, щебет мелкого огнестрельного оружия, крик на мгновение победивших и на столько же побежденных, стон раненых и умирающих, звук труб, литавров и барабанов, командные слова, «ура!», ободрительные возгласы начальства, говор людей, ржание лошадей, сливаясь в один громкий гул, прикрытый густыми, дымными облаками пороха, представлял, в

полном смысле слова, совершенный ад; – где кровь лилась реками, жизнь людей угасала целыми полками; где смерть носилась, суетилась и спешила клеймить судьбою определенные ей жертвы; но где с бою чудо-богатыри русского царя не уступили пяди святой русской земли, – там почтеннейшим ветеранам судил бог увидеть славным подвигам своим вечный, немерцающий символ!

Да, это было великое зрелище, достойное того, которое должно было собою напомнить! Это был отгул, звучно отгрянувший от умершего великого прошедшего и воскресивший его; но отгул без крови, без страданий, а только со славою, блеском и величием первого гула... Этим торжественным действием прошедшее связано неразрывно с настоящим и будущим, царские дружины прияли в себя новый элемент жизни, который будет передаваться из рода в род, от поколения к поколению – да знает благородное сословие защитников отечества свою славу через славу своих предшественников, и да не умирает в нем их высокий дух, но обновленный и вечно юный да

пребудет твердым оплотом и незыблемым основанием народного могущества и славы!.. Подвиг, достойный великой души нашего царя, который в славе народа своего полагает свою собственную славу и которого неутомимый дух находит только отдых и наслаждение в подвигах, долженствующих иметь такое великое влияние на грядущие времена... Истинно царственная драма, во всем величии и во всем очаровании всемирно-исторического зрелища, достойная услаждать дух царей и народов!..

Да, великое событие совершилось перед нами, событие *народное*, но народное не в том смысле, как понимают это слово непризванные опекуны человеческого рода, заграничные крикуны. Для нас, русских, нет событий народных, которые бы не выходили из живого источника высшей власти. Великое было событие 1612 года{7}, но предки наши им не гордились и не радовались, а скорбели и печалились, доколе дом Романовых не дал им царя, – и только от сей великой минуты им возвращена была их слава, потому что уже явилось царское имя, освятившее ее, и *безы-*

менному подвигу давшее и имя, и цель, и значение... Пусть будет велико наше народное торжество, пусть, как волны океана, сольется в него все народонаселение необъятной России; но если бы эта неисчетная громада народа не видала впереди себя своего царя, который в спокойном, царственном величии приветствует ее восторженные клики и на лице которого она читает и грозу, и милость, и царскую доблесть, и великий мощный дух, на который спокойно и самоуверенно опирается ее счастье в настоящем и надежды в будущем, – и тогда для нее торжество было бы не торжеством, а бессмысленною сходкою праздного народа, и в священном не было бы священного!.. Оттого-то молодеет наш старый, наш державный Кремль, и кипит народом, и оглашается своим вековым «ура», когда над дворцом гордо развевается широкий флаг – залог присутствия того, кто есть и жизнь и душа своего народа... Да, в слове «царь» чудно слито сознание русского народа, и для него это слово полно поэзии и таинственного значения... И это не случайность, а самая строгая, самая разумная необходи-

мость, открывающая себя в истории народа русского. Ход нашей истории обратный в отношении к европейской: в Европе точкою отправления жизни всегда была борьба и победа низших ступеней государственной жизни над высшими: феодализм боролся с королевскою властью и, побежденный ею, ограничил ее, явившись аристократиею; среднее сословие боролось и с феодализмом и с аристократиею, демократия – с средним сословием; у нас совсем наоборот: у нас правительство всегда шло впереди народа, всегда было звездою путеводною к его высокому назначению; царская власть всегда была живым источником, в котором не иссякали воды обновления, солнцем, лучи которого, исходя от центра, разбегались по суставам исполинской корпорации государственного тела и проникали их жизненною теплотою и светом[6]. В царе наша свобода, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же, как от него наша жизнь. Один великий царь освободил Россию от татар и соединил ее разъединенные члены;{8} другой – еще больший – ввел ее в сферу новой обширнейшей жизни;

{9} а наследники того и другого довершили дело своих предшественников. И потому-то всякий шаг вперед русского народа, каждый момент развития его жизни всегда был актом царской власти; но эта власть никогда не была абстрактною и произвольно-случайною, потому что она всегда таинственно сливалась с волею провидения – с разумною действительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытые в нем, без ведома его самого, и приводя их в сознание. Отсюда происходит эта дивная симпатия, сделавшая единое и целое из двух начал, это всегдашнее и безусловное повиновение царской воле, как воле самого провидения. Итак, не будем толковать и рассуждать о необходимости безусловного повиновения царской власти: это ясно и само по себе; нет, есть нечто важнее и ближе к сущности дела: это – привести в общее сознание, что безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни, наша *народность*, если под словом «народность» должно разуметь акт слияния частных индивидуальностей в общем созна-

нии своей государственной личности и само-
сти. И наше русское народное сознание впол-
не выражается и вполне исчерпывается сло-
вом «царь», в отношении к которому «отече-
ство» есть понятие подчиненное, следствие
причины. Итак, пора уже привести в ясное,
гордое и свободное сознание то, что в продол-
жение многих веков было непосредственным
чувством и непосредственным историческим
явлением: пора сознать, что мы имеем *разум-*
ное право быть горды нашею любовью к ца-
рю, нашею безграничною преданностию его
священной воле, как горды англичане свои-
ми государственными постановлениями, свои-
ми гражданскими правами, как горды Севе-
ро-Американские Штаты своею свободою{10}.
Жизнь всякого народа есть разумно-необхо-
димая форма общемировой идеи, и в этой
идее заключается и значение, и сила, и мощь,
и поэзия народной жизни; а живое, разумное
сознание этой идеи есть и цель жизни наро-
да, и вместе ее внутренний двигатель. Петр
Великий, приобщив Россию европейской
жизни, дал чрез это русской жизни новую, об-
ширнейшую форму, но отнюдь не изменил ее

субстанциального основания, точно так же, как представители нового европейского мира, усвоив себе роскошные плоды, завещанные ему древним миром, отнюдь не сделались ни греками, ни римлянами, но развились в собственных, самобытных формах, развившихся из субстанциального зерна их жизни. Вот взгляд – истинный и единый, который должен взять за основание историк русского народа, чтобы не заблудиться в дремучем лесу абстрактных умствований ложно понятого «русского европеизма». И потому-то, отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивления всему истинному у наших западных соседей, будем далеки от ослепления – признавать за предмет подражания то, что относится собственно к форме их народной, а не общечеловеческой жизни, а еще тем более будем далеки от ослепления – признавать за великое дурные стороны их жизни, которые, как случайности или как крайности, необходимо существуют в жизни каждого народа. Равным образом и не будем забывать собственного достоинства, будем уметь быть гордыми собственной национальностью, ос-

новными стихиями своей народной индивидуальности; но будем уметь быть гордыми без тщеславия, которое закрывает глаза на собственные недостатки и есть враг всякого движения вперед, всякого преуспевания в добре и славе... Необъятно пространство России, велики ее юные силы, беспредельна ее мощь – и дух замирает в трепетном восторге от предощущения ее великого назначения, ее – законной наследницы жизни трех периодов человечества!{11} Есть чему радоваться, есть чем быть блаженными и гордыми в нашем народном сознании; но не забудем же, что достижение цели возможно только чрез разумное развитие не какого-нибудь чуждого и внешнего, а субстанциального, родного начала народной жизни и что таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульс нашей народной жизни выражается словом «царь». Будем прислушиваться и к порицанию недругов и завистников, извлекая из них полезные уроки и пользуясь ими; а на кривые толки, бессмысленные возгласы и громкие, но пустые фразы безмозглых преобразователей человеческого рода, непризванных

посредников в чужих семейных делах, будем отвечать презрительным молчанием, а если уж слишком раскричатся, то ответим им словами нашего великого поэта:

*Вы грозны на словах: попробуйте
на деле!...{12}*

Мы уверены, что эти строки не почтут наши читатели отступлением от предмета, подавшего к ним повод: бородинское торжество нынешнего года невольно навело нас на эти мысли: но было *мыслию царя, перешедшею в торжество народа...*

Брошюры, заглавие которых выписано в начале нашей статьи, обязаны своим появлением бородинскому торжеству, которое нашло себе органы в знаменитом поэте, лавровенчанном ветеране нашей поэзии, и в знаменитом воине инвалиде, к военной славе своей присовокупившем славу безыскусственного, но сильного сердечным красноречием литератора. О его брошюре мы не будем говорить: выписанные нами из нее места достаточно свидетельствуют о ее достоинстве. — «Бородинская годовщина» есть новая песнь

певца русской славы, который в годину великого испытания, родившего настоящее торжество, был органом славы падшим и подвизавшимся героям великой драмы{13} и в котором лета не охладили поэтического жара. Конечно, как стихотворение, обязанное своим появлением не прихотливому порыву фантазии, а навеянное современным событием и ограниченное во времени своего появления, – оно не должно подвергаться в целом строгой критике{14}, – но в нем много сильных и прекрасных строф и стихов, которые нельзя читать без умиления, а недостаточность других вознаграждается поэзией содержания. Не говоря уже о таланте поэта, само торжество на месте торжества, сама местность, вся дышащая воспоминанием, – не могли не родить поэзии одним простым своим представлением.

Читателям нашего журнала уже известно новое произведение Жуковского{15}, но как оно напечатано и отдельно, то рецензент почитает себя вправе повторить из него то, что особенно ему нравится. – Воспоминая ужасы Бородинской битвы, поэт переходит к настоящему времени:

*А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Блещет жатва по холмам.*

.....

*И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж царем
Собрана на месте том,
Где предместники их бились,
Где столь многие свершились
Чудной храбрости дела,
Где земля их прах взяла.*

*Так же рать числом обильна,
Так же мужество в ней сильно,
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена, —
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей царем,
Не видать уж ни на ком.*

Засим он переходит к грустному воспоминанию о падших вождях, тех самых, падение которых он воспевал в иное время, и наконец восклицает:

*И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда!
И твоя пришла чреда!*

.....

*Вдруг... от всех честей далеко,
В бедном крае, одиноко
Перед плачущей женой,
Наш владыка, наш герой,
Гаснет царь благословенный;
И за гробом сокрушенно,
В погребальный слившись ход,
Вся империя идет{16}.*

И как поразителен переход от этого священного воспоминания о царе-спасителе к тому, от кого спасена была Россия!

*И его как не бывало,
Перед кем все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкруг скалы морская мгла;
С морем степь слилась другая —*

*Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден:
Там зарыт Наполеон.*

Закljučаем нашу статью последними словами поэта, сливая с ними и свою собственную мысль:

*Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает в глубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли:
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать!*

Примечания

Впервые – «Отечественные записки», 1839, т. VI, № 10, отд. VII «Современная библиографическая хроника», с. 1–13 (ц. р. 14 октября; вып. в свет 15 октября). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. III, с. 261–270.

Статья написана Белинским, когда он был еще московским корреспондентом изданий Краевского. 10 октября 1839 года Краевский сообщал Панаеву: «В статье о «Бородинской годовщине» Никитенко выкинул два места: что делать! Он не любит Европы и не хочет признавать, чтоб в ней было что-нибудь порядочное. Прочее все осталось так, как было, кроме отзыва о Жуковском, который я по-смягчил» (Панаев, с. 189).

Рецензируемые Белинским произведения являются откликом на торжества 26 августа 1839 года в честь 27-й годовщины Бородинского сражения, к которым было приурочено открытие памятника на месте битвы. Стихотворение В. А. Жуковского, после выхода отдельным изданием, было перепечатано многими периодическими изданиями.

Автор «Письма из Бородина...» – И. Н. Скобелев, военный писатель, генерал в отставке, участник Отечественной войны 1812 года, впоследствии комендант Петропавловской крепости в Петербурге. Печатался под псевдонимом «Русский инвалид» (или «Русский безрукий инвалид»).

Эта статья вместе с тремя последующими составляет цикл статей, в которых идеи временного «примирения с действительностью» получили наиболее сильное выражение. Она является ответом Белинского на его споры с Герценом и его единомышленниками в Москве осенью 1839 года, когда Белинский, по словам Герцена, «самая деятельная, порывистая, диалектически-страстная натура бойца – проповедовал... индийский покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы» и оправдывал даже «чудовищное самодержавие» (см.: «Былое и думы», ч. IV, гл. 25).

Полемический характер статьи о «Бородинской годовщине» определил ту исключительную резкость, с которой в ней поставлены и разрешены вопросы, бывшие предметом спора между Белинским и Герценом. Уже 3

февраля 1840 года Белинский сообщал Боткину, что готов «истребить» начало статьи о «Бородинской годовщине», а в письме к нему же от 16 апреля 1840 года он определил всю ее как «глупую статейку» и свой «промах».

Сноски

1

Подлинные слова из «Письма из Бородина от безрукого к безногому инвалиду».

[^^^]

2

Хотя надписи на этом монументе и известны всем из «Живописного обозрения», «Московских ведомостей» и «Русского инвалида»{17}, но мы не можем отказать себе в наслаждении выписать их здесь, как образец благородной простоты и возвышенной поэзии при величии содержания.

Лицом к позиции, занимавшейся неприятелем, вставлен образ Спасителя с надписью: «В нем спасение! – Бородинское сражение было 1812 августа 26 числа». С правой стороны образа и далее, одна подле другой, следующие надписи:

И. Кутузов, Барклай де Толли, Баграти-

он. Русских было в строю: пехоты 85 000 человек, конницы 18 200 человек, казаков 7000, ополчения 10 000 человек, орудий 640.

II. Умерли за отечество полководцы: Багратион, Тучков 1-й, Тучков 4-й, граф Кутайсов. Всем прочим слава!

III. Властолюбие неограниченное изумило Европу; успокоилось посреди пустынь океана. Москва занята неприятелем 2-го сентября 1812 года. Александр I вступил в Париж 19-го марта 1814 года.

IV. Франция, Италия, Бавария, Виртембург, Саксония, Вестфалия, Польша, Швейцария и Германский Союз, всех 20 языков. Вывели в строй пехоты 145 000 человек, конницы 40 000, орудий 1000.

V. Европа оплакала падение храбрых сынов своих на полях бородинских. Неприятеля убито: генералов 9, воинов до 20 000; ранено: генералов 30, воинов 40 000.

VI. Отступили с честью, чтобы вернее победить. – Вторгнулось в Россию 554 000 человек, возвратилось 79 000 человек.

*VII. 1838 год. Благодарное отечество
положившим живот на поле чести.
Русских убито: генералов 3, воинов до
15 000; ранено: генералов 12, воинов 30
000.*

Мелка и лишена искры божией душа того, кто не увидит в этих многих строках глубокого смысла и обширного содержания, заключенных в дивно поэтическую форму, бесконечно много говорящую в своей благородной простоте, энергической сжатости и величайшей грандиозности!..

[^^^]

3

После стола его величество, подойдя к отставным, изволил изъявить им высочайшее благоволение за прибытие и участие в деле, которое так близко к русскому сердцу. (Прим. И. Н. Скобелева.)

[^^^]

4

И сверх того, всем служащим из бывших в Бородинской битве присвоен оклад жалованья, какое получали они в то время. (Прим. И. Н. Скобелева.)

[^^^]

5

Представителя двух падших здесь героев, родных его братьев. (Прим. И. Н. Скобелева.)

[^^^]

6

Отношение же высших сословий к низшим *прежде* состояло в патриархальной власти первых и патриархальной подчиненности вторых, а *теперь* в спокойном пребывании каждого в своих законных пределах и еще том, что высшие сословия *мирно* передают образованность низшим, а низшие *мирно* ее принимают.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Эту вступительную часть статьи иронически комментировал Греч в своих публичных лекциях – «Чтениях о русском языке», что вызвало полемический ответ Белинского в статье «Менцель, критик Гете» (см. прим. 13 к этой статье).

[^^^]

2

Битвой гигантов («великанов» – *la bataille des geants*) называл, по словам Ф. Глинки, Бородинское сражение Наполеон, о чем Ф. Глинка писал в своих «Очерках Бородинского сражения» (см. наст. т., с. 146).

[^^^]

3

Из стихотворения Пушкина «Бородинская годовщина».

[^^^]

4

Имеется в виду старший брат Николая I Александр I, которого называли Благословенным, приписывая ему славу победителя в войне 1812 г.

[^^^]

5

Во время торжеств 1839 г. село Бородино было выкуплено у его владелицы в удельное ведомство и стало собственностью императорской фамилии.

[^^^]

6

Белинский в конце 1830-х гг. не видел реакционной направленности творчества Скобелева и неоднократно писал о нем как писателе, дающем «умное, одушевленное и увлекательное чтение» для «низшей читающей публики», а иногда и для «людей образованных» (см., например, рецензию на «Переписку и рассказы Русского инвалида» – Белинский, АН СССР, т. III, с. 193–196).

«Письмо из Бородина...» цитируется с некоторыми неточностями.

[^^^]

7

В 1612 г. народное ополчение, руководимое купцом К. Мининым (Сухоруком) и его помощником князем Д. Пожарским, разгромило польскую интервенцию и освободило Москву.

[^^^]

8

Иван Грозный.

[^^^]

Петр I.

[^^^]

Очевидно, это место статьи и следующее за ним рассуждение Белинского о необходимости приобщения России к европейской цивилизации пострадали от вмешательства цензора Петербургского цензурного комитета А. В. Никитенко. Но и прошедший цензуру текст убеждает, что и в это время критик открыто и решительно боролся с проявлениями «официальной народности».

[^^^]

11

Белинский делил историю человечества на дохристианскую, христианскую и новейшую. Подробную характеристику этих трех периодов см. в статье «Горе от ума...» (наст. т., с. 185–190).

[^^^]

12

Из стихотворения Пушкина «Клеветникам России»; курсив Белинского.

[^^^]

13

Речь идет о Жуковском как авторе стихотворения «Певец во стане русских воинов» (1812).

[^^^]

14

На фоне безудержного славословия тогдашней журналистики в адрес автора «Бородинской годовщины» отзыв Белинского (даже «посмягченный» Краевским) выглядит довольно сухим. Объясняется это тем, что, с точки зрения Белинского, открытая, заданная тенденциозность вообще, вне ее характера и направления, несовместима с природой художественного произведения.

[^^^]

15

«Бородинская годовщина» Жуковского была напечатана в «Отечественных записках», 1839, № 9.

[^^^]

16

Курсив Белинского.

[^^^]

17

Текст надписи на памятнике напечатан в «Живописном обозрении», 1839, т. V, лист 6, с. 41–42; в «Московских ведомостях», 1839, № 72, 9 ноября; в «Русском инвалиде», 1839, № 222, 10 сентября; Белинский цитирует его с незначительными неточностями.

[^^^]

[^^^]